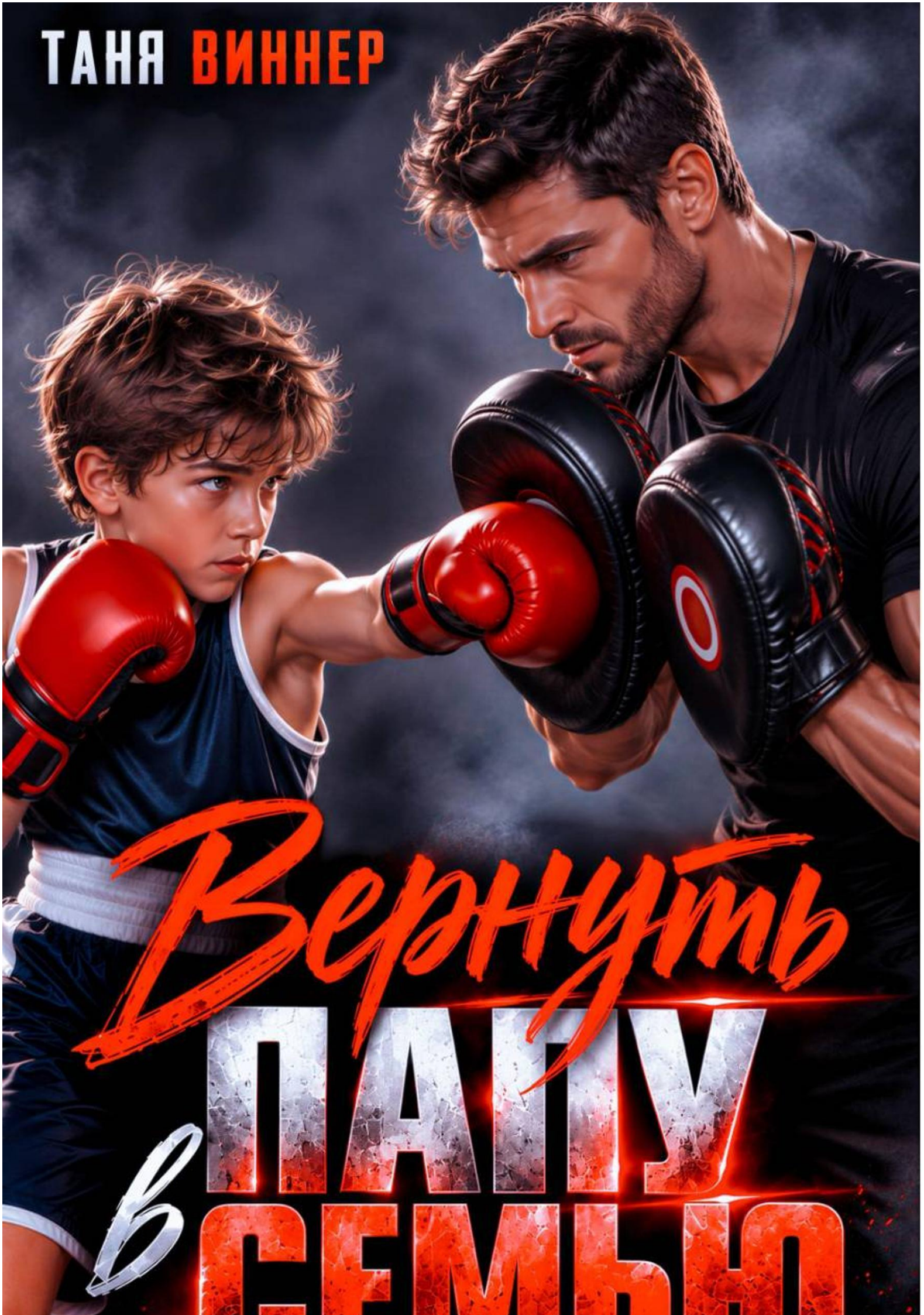
ТАНЯ ВИННЕР



Вернуть папу в семью

Второй шанс для двоих

Таня Виннер

Вернуть папу в семью

«Автор»
2026

Виннер Т.

Вернуть папу в семью / Т. Виннер — «Автор», 2026 — (Второй шанс для двоих)

Там, где волны бьются о камни, пытаясь поглотить маленький приморский городок, живет мужчина без сердца.Десять лет назад он оставил его в Москве, с единственной женщиной, которую когда-то любил.Савелий надеялся никогда не столкнуться с прошлым, но в городе происходит преступление, за которым стоит девятилетний мальчик.Сын его Любимой. И, похоже, у этого мальца слишком много секретов.

© Виннер Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Вернуть папу в семью

Глава 1

САВЕЛИЙ

Маленький приморский городок дышал октябрем.

Не той яркой, золотой осенью, что продают туристам на глянцевых открытках, а тяжелым, сырым дыханием моря, которое уже остыло и готовилось к зиме.

Ветер с залива нес мелкую, колючую пыль, пахнущую йодом, гниющими водорослями и нагретыми на солнце камнями.

Я поднял воротник старой кожаной куртки. Кожа затрещала, протестуя, но пропустила внутрь лишь новую порцию сырости. В кармане глухо звякнули ключи от служебной «Нивы» и гильза от патрона, который десять лет назад чуть не лишил меня жизни.

Оленевка сползала в спячку. Закрытые до мая ларьки с пахлавой и пластиковыми дельфинами, пустые веранды летних кафе, где ветер гонял по мокрому настилу одинокий пластиковый стакан.

Туристы и дачники уехали еще в середине сентября, забрав с собой суету, громкую музыку и иллюзию праздника. Остались только мы - местные. И те, кто не может уехать.

Я остановился на пирсе. Дерево под ногами было осклизлым, опасным. Внизу, метрах в трех, билась о сваи черная вода. Ни белой пены, ни красивых барашков - только глухая, тяжелая работа моря, методично вгрызающегося в бетон.

- Опять ты здесь, Пушкин.

Коротко, как выстрел. Констатация факта, ни разу не вопрос.

Голос за спиной принадлежал Михалычу, нашему местному смотрителю маяка. Единственному человеку в радиусе ста километров, который мог позволить себе говорить со мной в таком тоне.

- Где мне еще быть в шесть утра? - хрипло ответил я, не оборачиваясь.

Легкие саднило от первого утреннего кофе, выпитого натощак.

- Там, где положено. В чатах пишут про труп на Северной косе. Он, знаешь ли, сам себя не осмотрит. Прямо слышу, как матерится следственная группа, пока ты стоишь тут и море слушаешь. Алые паруса высматриваешь? – старик усмехнулся собственной шутке.

Адмирал, потерявший свой корабль во время операции, о которой еще лет двадцать нельзя говорить.

Ему можно. Пусть смеется. Пусть издевается. Но старик вдруг замолчал.

Подошел ближе, обдав меня запахом крепкого чая и самодельного табака.

Михалыч ткнул узловатым пальцем в сторону горизонта, где свинцовое небо сливалось с такой же свинцовой водой.

- Забирает. Октябрь всегда забирает твоё спокойствие. Я заметил.

Я, наконец, обернулся.

Лицо Михалыча, изрезанное морщинами и солью, казалось высеченным из того же темного камня, что и волнорезы.

- Мне часто снится палуба моего корабля, - вдруг проговорил он, глядя куда-то за горизонт. – Глянцевая, чистая, пахнущая солью и солнцем. А что снится тебе, майор Пушкин?

- Хочешь знать, что мне снится? – усмехнулся я, пряча озябшие руки в карманы. - Сухой асфальт на Проспекте Мира. Огни Московского метро. Перекресток у шаурмичной Марата. Там, если встать и замереть, слышно, как под землей поезда гудят. Низко так, утробно. Это звук жизни, понимаешь? А здесь… здесь только море. Оно жрет берег и выплевывает соль. И тишина. Такая, что собственные мысли по ушам бьют.

- Так садись на паром и езжай, - Михалыч пожал плечами, словно это было проще простого. - Кто держит?

Вопрос повис в воздухе. Он не раз его задавал, а я молчал.

Рассказать ему про ту единственную, к которой я больше не мог вернуться?

Нет, пожалуй, не сейчас. Не сегодня.

Старик долго молчал, разглядывая мои скулы. В Оленевке, среди обветренных, дубленых лиц местных трудяг и счастливых загоревших туристов, моё лицо всегда казалось чужим - слишком бледным, слишком городским.

- Ладно, дед. Поеду я, пока областные не понаехали. А то проболтается кто из моих… Им наша с тобой стариковская лирика до фонаря, им бы висяков поменьше. Повесят труп на первого попавшегося и свалят в закат.

Лицо старого смотрителя на секунду дрогнуло, потеряв привычную каменную невозмутимость. Он быстро оглянулся на свой маяк, словно оттуда могли наблюдать за нами.

- Ты поаккуратней с такими словами, майор. Десятый год здесь живешь, а до сих пор не понял. В Оленевке море глубокое, а память у людей короткая. Но меткая. Закопают так, что ни одна твоя Москва с ее прокурорами не найдет.

- Пусть ищут, - я достал телефон, чтобы проверить сообщения.

Пальцы мелко дрожали. Не от холода. От предчувствия, что этот октябрь заберет еще кого-то. Хотя, что еще можно было у меня забрать?

Пробежав глазами десяток пожеланий «С Добрым утром», объявления о продаже генератора, молока и пеленок для собак, я наткнулся на фото с пляжа и вздрогнул.

Пора было ехать на косу. Октябрь ждал отчетов, а море - прилива, который к полудню окончательно слизнет последние следы преступления.

Я шел к «Ниве», чувствуя, как сырость пробирается под куртку, пытаясь сковать сердце ледяными пальцами смерти.

Зря старается. Оно уже давно не бьется. Десять лет.

Глава 2

САВЕЛИЙ

Десять лет прошло. А всё помнится с такой болезненной отчетливостью, будто бы это было вчера. Словно я до сих пор стою в прихожей нашей съемной квартиры на Бабушкинской, и сквозняк из приоткрытого окна треплет тюль.

Агата швыряет вещи в открытый чемодан. Рыжие волосы взъерошены, хотя и подхвачены повязкой.

Любимой, голубой в белую ракушку. Она привезла ее из Сочи, когда мы еще были счастливы.

- Да сколько же можно, Савелий?! - голос срывается на высокой, звенящей ноте. - Когда ты уже начнешь думать не только о себе?!

Её можно понять.

Факультет международных отношений. Красный диплом на горизонте. Лучшая на курсе. Планы. А тут я - резкий, прямолинейный. Да, любимый. Да, до одури любящий, но не умеющий молчать, когда происходит несправедлиовость.

Прямо перед камерами я обвинил губернатора в организации ОПГ.

У меня не было прямых доказательств. Лишь косвенные улики, но мой отдел пытался поймать его хоть на чем-то уже пять лет! Я просто не сдержался. В тот момент, когда он, сыто улыбаясь, объявил о том, что планирует усыновить сироту из детского дома.

Лазаревский был промежуточным звеном в системе торговли детьми. Из ближайших, дружественно-братских, стран. А теперь он вдруг захотел стать… отцом?

Лицемерие, от которого сводило челюсти.

Мой порыв грозил мне не только концом карьеры, но и реальной статьей.

На помощь пришел Матвей Дробов, мой друг из соседнего отдела. У него были связи с адвокатской конторой. Я даже не знаю, во что бы мне обошлись их услуги, если бы пришлось платить самому. В общем, отделался я переводом в тьмутаракань.

Агата об этом не знала. Она ушла к родителям, потом попыталась вернуться. Все-таки «чуВстВа».

Но я её не принял. И не потому что внезапно разлюбил, а потому что любил с каждым днем все сильнее.

Её дерзость, каким-то магическим способом смешанная с ледяным самоконтролем, её целеустремленность. Её страсть, с которой она делала все на свете, а особенно - любила меня.

И я любил. Поэтому сказал тогда, глядя мимо нее, прямо на чемодан, который она прикатила обратно:

- Оставь ключи на тумбочке. Нам не по пути. Ты всегда будешь правильной, а я всегда буду идти против течения. Мы погубим друг друга.

Агата не плакала. Не умоляла подумать ещё раз. Она только подошла вплотную, пахнущая духами и любимым мятным Американо, и поцеловала.

Крепко-крепко, до отчаяния, до кровавого привкуса на губах. И ушла.

Я собрал вещи и уехал в Оленевку. И прожил тут десять лет.

Каждый день был похож на подвиг Сизифа, который гонит свой камень в гору.

В городе, где застряли девяностые, где участковый закрывал глаза на браконьерство за ящик кефали, наводить столичные порядки оказалось не так просто. Но я же Пушкин. А Пушкин везде влезет. Вот и я влез. Выжил. И заставил местных жить по моим правилам.

Притормозив на старом пляже, взмыв из-под колес грязный песок, я вышел из машины и хлопнул дверью. Не закрывал. Кто позарится на ментовскую «Ниву»? Разве что чайка нагадит на капот. Так то к деньгам. Глядишь, зарплату повысят. Хотя, на что мне тут её тратить?

Моя группа уже копошилась внизу, у подножия дюны. Труп был накрыт черным полиэтиленом. Не дождались меня, но причина понятна - зеваки. В это время года туристы в Оленевке - большая редкость, так откуда эти взялись? Тем более… дети?

- Спортсмены, - кивнул Клык, местный участковый, на группу подростков в одинаковых синих куртках. - На турнир по боксу приехали. В Ялту. У Малиновских в отеле остановились.

- А здесь что забыли? Пробежка по песку с утяжелением?

Клык промямлил что-то неинформативное.

Трое пацанов разного возраста. Самому младшему - лет девять. И, если остальные смотрят на труп и ментов с любопытным, но безопасным ужасом, то этот уставился прямо на меня.

Хмурый, грязный. В фирменных кроссах и спортивном костюме, явно не с китайского сайта. Взгляд не детский. Пустой, тяжелый, как та самая октябрьская вода.

Я отвел взгляд и шагнул к криминалисту. Алиса куталась в пуховик, но руки в латексных перчатках двигались четко, без дрожи.

- Сухая справка, майор, - она подняла на меня покрасневшие от ветра глаза. - Мужчина. На вид, тридцать-тридцать пять лет. Умер где-то сутки назад. Скорее всего, от ножевого ранения в спину, в область сердца. Удар профессиональный, точный. Крови почти нет, тело просто бросили на песок с дюны.

- И за сутки его никто не нашёл? - с подозрением прищурился я, глядя на пустую, продуваемую ветром косу.

- Нашёл, - кивнула Алиса, продолжая делать запись. - Вон тот мальчик.

Она указала шариковой ручкой на пацана, который все так же буравил меня взглядом. И что-то в его лице меня реально напугало. Не ужас, не шок. Слишком знакомая, глухая, выжженная пустота. Будто бы я вижу призрака из прошлого.

- Клык, - не оборачиваясь, бросил я. – Там наверху фудтрак Ареса стоит. Отведи туда детей. Выдай им по бутылке воды, только чтобы сидели за столиком и не смотрели сюда. И найди мне того, кто за них отвечает. Живо.

Когда пацанов, подгоняя окриками, увели к дороге, я присел на корточки. Надел перчатки, взял край полиэтилена и аккуратно откинул его с лица мертвеца.

Ветер тут же взъерошил слипшиеся от соли темные волосы. Лицо серое, с заострившимися чертами. Очередной Неизвестный. Судя по одежде, не турист. Скорее, офисный работник. Только вот не было в Оленевке офисов.

- Алиса, - голос прозвучал слишком равнодушно. – Фото сделай, пальчики сними. И в базу.

- Уже сделала, шеф, - отозвалась женщина.

Уверен, спешила. Дома – муж и двое спиногрызов. Такие работники не горят на работе. Для них – это лишь способ заработать на пачку макарон.

Я поднялся, отряхивая песок с колен. Соленый ветер бил в лицо, пытаясь выдавить из глаз то, чего там давно не было - влагу.

- Майор, там эти… боксеры, - Клык уже вернулся, хрустя песком. - Старший тренер приехал. Хочет забрать ребята в отель, но малой орет, что никуда не поедет. Вас требует.

- Зачем? – не понял я.

- Так он труп нашел. Типа на утренней пробежке был и нашел.

- Где он? – я машинально поднял взгляд на дюну.

- У машины вашей жмется.

- Я же сказал… - Начал привычно рычать я. – Не отпускать!

- Так его даже тренер удержать не смог, - Клык развел руками. – Мне что надо было с ребенком делать? К тому же, он боксер. Пусть и маленький.

- Ладно, - я снял перчатки. – Пойду поговорю с ним. Как зовут?

- Серёга, - опешил Клык.

- Да, не тебя, идиот! Парня.

- А, парня, - растерялся лейтенант. – Емеля.

- Е… Чего? – опешил я. – Ты уверен, что это не выдуманное имя?

Клык пожал плечами:

- Паспорта у него не было.

Тихо выругавшись, я начал взбираться по дюне.

Парнишка, действительно, стоял у моей машины. Но тренер контролировал его издалека. Я махнул тому, чтобы подошел. Не мог я допрашивать несовершеннолетнего.

- Емеля? - спросил я, приседая перед парнем на уровень глаз.

Он молча кивнул.

- Ты знал этого человека? Видел его раньше?

Мальчишка долго на меня смотрел, затем перевел взгляд на море.

- Нет, - ответил он. Голос был хриплым, простуженным. – Но я знаю, кто его убил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.